

БОЯРСКАЯ ЧЕСТЬ

«ОБОЕРУКИЙ»

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

Боярская честь. «Обоерукий»

Серия «Попаданчество»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17069688

*Боярская честь. «Обоерукий» / Юрий Корчевский: Якуза : Эксмо;
ISBN 978-5-222-39475-5*

Аннотация

Битвы со степняками на границах Дикого Поля и поход на Литву, схватки с английскими пиратами и штурм Смоленска – судьба продолжает испытывать на прочность нашего современника, заброшенного в Московское Царство.

Пожалованный за верную службу боярским званием, он берет уроки фехтования, чтобы стать «обоеруким» – так величают лучших бойцов, способных сражаться сразу двумя клинками. Обученные им боевые холопы – лучшие в поместном войске, его пороховые ракеты наводят ужас на Орду. А БОЯРСКАЯ ЧЕСТЬ обязывает «попаданца» принимать любой вызов и первым бросаться в самое пекло, будь то самоубийственная атака против целого войска, рискованная вылазка за «языком» во вражеский тыл или смертельно опасная «разведка боем»...

Содержание

Глава I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Боярская честь. «Обоерукий»

Глава I

Жили мы в Вологде скромно. Я раздумывал – каким трудом заняться, чтобы по душе было. Деньги были, дом куплен, первоначальные нужды не обременяли. Елена, жена моя, как-то быстро обросла знакомыми – сначала перезнакомилась с соседками, затем на службе в церкви постепенно обзавелась знакомыми из среды прихожан. Постреленыш Васька уже знал всех пацанов с улицы и иногда ходил драться стенка на стенку с ребятами с соседней улицы. Только я оставался без знакомых. Плохо: посоветоваться по деловым вопросам не с кем, да и вина или пива не попить за мужским разговором. Временами мне не хватало общения с Иваном Крякутным.

За заботами пролетели осень и зима. Дел по обустройству дома хватало – все-таки начинать жизнь сначала семейному человеку значительно сложнее, чем одиночке.

Наступила Масленица, и мы с Еленой и Васяткой отправились на праздник. Елена принарядилась в лучшие одежды и выглядела барыней. Васятка отъелся за прошедшие полгода, был нами любим и выглядел просто маленьким щеголем.

Да и внутренне он изменился – исчезли неуверенность, боязнь быть униженным и побитым. Каково это – в детские годы ощущать свою ненужность, не чувствовать рядом крепкого отцовского плеча, не знать чувства сытости, трястись от холода? Расцвел Васятка, окреп, поднаторел в грамоте, чему был благодарен Елене и мне. И когда не было в игрищах старших подростков, частенько верховодил сам.

За городскими стенами шумело людское море – пели и плясали скоморохи, не отставали от них добры молодцы и красны девицы. Да и подвыпившие отцы семейств, тряхнув стариной, ломали шапки, били их оземь и пускались в пляс.

У разбитых шатров и палаток торговали сладостями – пряниками печатными, сладкими орешками, разноцветными леденцами на палочках. Кто хотел перекусить, покупали пироги и пряженцы с самой разной начинкой – рыбой, луком, гречневой кашей, сушеными фруктами. Весело кричали зазывалы, предлагая отпробовать вино и настойки. А уж мелкие торговцы, носившие товар на себе, не позволили бы умереть от жажды, предлагая квас и сбитень, а для тех, кто победнее, – сыто. Детвора строила снежные городки, лихие молодцы под восхищенный визг подружек пытались взобраться на скользкий, специально политый водой и слегка обледелый столб, на верхушке которого красовались призы в виде новых сапог или кафтана. Продавцы разнообразных свистулек и игрушек в виде трещоток производили невообразимый шум. В общем, было на что посмотреть.

Немного поодаль стояло большое соломенное чучело зимы, которому предстояло сгореть в середине праздника. А уж самые бойкие и смелые затеяли драку – стенка на стенку, улица на улицу. Строгие судьи тщательно проверяли, не скрывает ли кто в кулаке свинчатку – драка должна быть честной. Бились до первой крови, упавшего не били и не пинали – помогали подняться и отводили в сторону.

Каждый из горожан был волен смотреть или участвовать в том, что ближе сердцу.

Мы посмеялись на представлении кукольников, купили Васятке леденцов, попробовали пряженцев с луком и яйцом, запили горячим сбитнем и взяли еще парочку пряженцев с вязигой – уж больно соблазнительно пахли. Послушали частушки, поучаствовали в хороводе. Васятка поиграл в лапту, а я с мужиками нашей улицы участвовал в перетягивании каната. Лена засмотрелась на яркие павловские платки, и я купил ей понравившийся. Для женщины подарок – это не только повод похвастать перед подругами, но и материальное доказательство любви к ней ее мужчины.

Радостные, довольные и усталые, мы возвращались домой. Народ расходился по улицам, а за городской стеной пускало струйки дыма сгоревшее чучело зимы.

Вдруг что-то остановило взгляд. Я замедлил шаг, покрутил головой. Вот оно! От меня удалялся ратник, только что прошедший мимо. Я и внимания на него не обратил бы, и только когда он уже разминулся со мной, до меня дошло – у

него на поясе висели две сабли. Две! Не иначе – обоерукий. Раньше я с ними не сталкивался, только слышал. Вместо щита они используют вторую саблю или меч, и владеют таким боевым искусством единицы. Ведь людей, пишущих правой рукой, – большинство, левшей – много меньше, а одинаково пишущих левой и правой – совсем немного. Так и воины обоерукие – редкость.

Я попросил Лену идти домой, пообещав не задерживаться долго, сам же побежал за удаляющимся ратником. Я помнил, как при обороне Устюга мне пришлось вынужденно владеть двумя саблями. Фактически я воевал одной – правой рукой, изредка защищаясь левой, и остро тогда пожалел, что не могу одинаково хорошо владеть обеими. Надо попытать удачи.

Я догнал воина, покашлял, привлекая внимание. Ратник остановился и повернулся ко мне.

«Мать твою, узкоглазый – или татарин, или башкир, может быть, еще кто, – подумал я, – а одет в русские одежды».

Ратник увидел мое замешательство – видимо, сталкивался с этим уже не раз. От удивления или от неожиданности я стушевался.

Молчание затягивалось. Первым прервал его узкоглазый: – Чем могу быть полезен?

«Тысяча чертей!» – по-русски говорит чисто, да и учтиво, как будто я попал на великосветский раут.

Я взял себя в руки, взглядом показал на сабли.

– Ты обоерукий? – Ратник кивнул.

– Научи сражаться двумя саблями! – выпалил я.

Ратник внимательно меня оглядел. Видимо, мой внешний вид не произвел на него должного впечатления.

– У тебя даже одной сабли нет.

– Праздник сегодня, не можно по городу с оружием ходить – я не на службе.

– Я должен посмотреть, как ты с одной саблей управляешься, потом решу. Приходи завтра с утра на Воздвиженную, третий дом с угла, спросишь у прислуги Сартака.

Попрощавшись кивком, ратник ушел. Я тоже направился к своему дому, удивляясь странностям жизни. Одежда на ратнике русская, речь – без изъяснов, но лицо явно азиатское. Что он делает в Вологде, кто таков? А по большому счету – какое мне до этого дело? Пусть научит фехтовать, а кто он – мне безразлично.

Следующим днем я подвесил на пояс свою старую саблю дамасской стали и купленный в Нижнем испанский клинок, оделся в удобную для фехтования одежду и направился к дому странного татарина.

На стук в ворота вышел слуга и на мой вопрос о Сартаке проводил меня на задний двор. Татарин уже был там, только в штанах и плотной рубаше. На лбу его блестели капли пота – похоже, он занимался разминкой.

Я поздоровался, прижал руку к сердцу.

– Не раздумал? – спросил татарин.

– Нет.

– Тогда покажи, на что способен.

Татарин выхватил из ножен саблю и стремительно кинулся в бой. Фехтовал он просто отменно, и, не пройди я в свое время школу сабельного боя у Петра, мне пришлось бы очень туго. Я отражал атаки, переходил в нападение сам, то тесня противника в дальний угол, то отступая под его яростными выпадами. Летели искры от сталкивающихся клинков, звон почти не стихал. Вот татарин поднял вверх саблю. Я остановился, перевел дыхание. А татарин даже и не запыхался, лишь темные круги пота на рубашке выдавали его усилия.

– Неплохо, совсем неплохо. Среди русских я только третий раз встречаю столь умелого бойца. Как тебя звать?

– Георгий.

– Где ты так научился владеть саблей?

– Есть такой воин, именем Петр, вот он и научил.

– Хорошо, правой рукой работаешь неплохо и левую вперед не тянешь – видимо, не привык защищаться щитом. Похоже, нет привычки сражаться в конной дружине, плечом к плечу. С одной стороны – даже лучше. Переучивать тяжелей, чем учить. Сабля легкая, сбалансированная – это чувствуется. А вторая какая?

Я вытащил из ножен испанскую саблю, протянул ему. Татарин взялся за рукоять, помахал ею в воздухе, описав кончиком лезвия несколько кругов и восьмерок.

– Немного тяжеловата, но неплоха. Я возьмусь за твое обучение, однако беру дорого. Думаю, за три седмицы ты осво-

ишь азы двурукого сабельного боя при ежедневных занятиях. И обойдется тебе это знание в новгородскую гривну.

Я кивнул, соглашаясь. Гривна серебром – это не просто много, это очень много. За такие деньги можно купить целую улицу домов. Но и обоерукие встречаются редко, и умение свое передавать другим не очень желают. Можно сказать – мне повезло.

С этого дня и началась моя учеба. Я не знал, кто он такой, чем занимается, но гонял он меня на занятиях до изнеможения. К вечеру я готов был упасть от усталости, а он лишь потел. Двужильный, что ли?

– Нет, не так! – кричал он. – Отступать правой ногой, фехтуешь левой рукой, выискиваешь слабое место в обороне врага. Не бывает так, чтобы не было слабых мест, просто ты их не видишь. Противник всегда слишком надеется на щит, пользуйся этим! И работай, работай левой рукой активнее, противник не должен чувствовать разницу – левой рукой ты бьешься или правой.

Сартак брал в руки щит, наступал на меня, ловко прикрываясь и нанося удары саблей. Потом вручал щит мне, брал в обе руки сабли и показывал прием, находя слабые места моей обороны и обозначая уколы шлепками клинком плашмя. Легкие удары раздражали, я досадовал на ошибки, а раздевшись дома, с удивлением обнаруживал на теле синяки.

Через неделю Сартак потребовал аванс. Я принес гривну, на его глазах рассек мягкое серебро саблей на березовом

чурбачке и отдал половину.

Мы продолжали тренироваться дальше, и чем больше я занимался, тем труднее приходилось Сартаку найти бреши в моей обороне. И настал день, когда я дважды исхитрился ударить Сартака – естественно, плоской стороной клинка, лишь обозначив удар. По его настоянию деревянные палки в учебных боях не применяли. «Боец должен привыкнуть к весу сабли, сродниться с ней – тогда в бою сабля будет как бы продолжением его руки», – говорил Сартак. Сражаться настоящими саблями было опаснее, но, учитывая умение владеть оружием – и мое, и Сартака, обходилось без порезов.

Где-то через месяц упорных занятий мы сражались почти на равных. Почти – потому что все же правой рукой я пока владел лучше. Однако и умение владеть саблей левой рукой возросло многократно. Что я умел до встречи с Сартаком? Лишь отбивать левой рукой с саблей удары, фактически только обороняясь. Теперь мне казалось, что в схватке с противником я буду чувствовать себя увереннее. Щит не всегда можно иметь при себе – тяжел, занимает много места.

Занятия с Сартаком мне нравились, да и он не только получал достойное вознаграждение, но и тренировку, дабы поддерживать себя в форме. В дальнейшем оказалось, что он – сын хана Ачегама, плененного и сосланного в Вологду. Здесь хан жил в качестве почетного пленника, завел себе русскую жену. Вот откуда хорошее знание русского языка и наших обычаев.

Настал день, когда Сартак сказал, что я уже вполне освоил фехтование двумя саблями. Я поблагодарил его и вручил вторую половину гривны.

– Совершенству нет предела, если будешь настойчив и удачлив, то каждый бой с противником будет лишь шлифовать твоё мастерство. Ежели будет желание, можешь заглядывать иногда – пофехтуем.

Так я заимел нового знакомого в Вологде, причем встретиться с ним мне пришлось еще не раз, и не только в учебных поединках.

Месяца через полтора, когда подсохла грязь на дорогах, аккуратно после Радоницы, я выехал конно осмотреть скипидарный заводик, что намеревался купить по случаю. Деньги потихоньку таяли, и пришлось думать, чем заняться. Нет, денег еще было много и хватило бы при их разумном расходовании на несколько лет, но кто знает, какие непредвиденные расходы могли предстоять? Да и дело какое-то надо себе подбирать, чтобы было чем заняться. Купец или промышленник – лицо уважаемое. Сейчас же мой статус был довольно неопределенным – ни ремесленник, ни купец, ни крестьянин. А принадлежность к сословию – это вес в обществе, возможность одеваться согласно статусу и еще много чего. Например, голосование по любому поводу. В Новгороде на вече голос любого свободного жителя имел вес – что мужчины, что женщины. На Вологодчине были свои устои, голосовали выборщики. От десяти крестьян – один голос и один

выборщик, от ремесленников – один выборщик на пять человек, а среди купцов – каждый голосовал за себя. Выбирали не наместника – его назначал государь, а собрание решало вопросы налогов или сколько выделить денег на ремонт городской стены.

Вот и решил я податься в промышленники. Стать купцом мне было сложно – все-таки надо было не просто купить, перевезти и продать товар. Нужен был нюх на выгоду, некоторая удачливость. Промышленник приравнялся к купцу. Я полагал, что смогу управляться с производством скипидара, представляя в общем процесс его получения, да и производство уже отлаженное – мастера были.

Так и ехал я, не погоняя коня, любуясь северными красотоми: Белозерьем – краем, насчитывающим две сотни озер, удивительно притягательным своей неброской, но западающей навсегда в душу красотой Русского Севера, и с наслаждением вдыхая чистый воздух. В городе зимой было дымно от печей, и только ветер, сдувавший за город дым, помогал дышать чистым воздухом в полную грудь.

Впереди, довольно далеко от меня, слышались крики, звон оружия. Я хлестанул коня и помчался к месту схватки. В том, что там кипел бой, я не сомневался – уж очень шум характерный.

В лесу, за поворотом дороги, стояла карета – редкость в этих краях. Вокруг нее шла схватка не на жизнь, а на смерть. Защищали карету четыре человека в иноземной одежде, на-

падали – с десятков наших, одетых в зипуны и старые однорядки. Доморощенные разбойники одолевали.

Подскакав, я с ходу срубил голову одному, вытащив из-за пояса испанский пистолет, выстрелил в грудь второму, уже взгромоздившемуся на крышу кареты. Только тут разбойники обратили на меня внимание.

Я пришпорил коня, описал полукруг вокруг кареты, зарубил тятя, пытавшегося открыть дверцу. Спрыгнул с коня – сейчас он мне не столько помогал, сколько мешал, выхватил из ножен вторую саблю, и – пошла мясорубка... Разбойники были злы и напористы, но оружие плохое, а умения им пользоваться почти не было.

Через пару минут все было кончено. В лес успел удрать только один тать, да и то бросивший топор. Из защитников остались только двое, да и то – раненых, тяжело дышащих. Я взглянул на их оружие и чуть не рассмеялся – да кто же в Россию со шпагами ездит? Здесь надобно оружие посерьезнее.

Поняв, что бой кончился, дверцу кареты распахнули, осторожно выглянул иноземец. Их сразу можно отличить от наших – лицо бритое, одежда другая. На наших штаны широкие, а у этого – нечто вроде лосин, туго обтягивающих ноги. На теле – куций темно-зеленый кафтан. На голове – парик.

Иноземец огляделся, заметив меня, спустился по ступенькам, подошел.

– Мы есть торговое посольство из Британского королевства. Есть очень большой сенкью. Мы благодарен, – на ломаном русском молвил иноземец.

Ага, понятно, торговые представители пожаловали. Не иначе – хотят торговать, причем едут, чтобы скидки получить или иные привилегии. Слышал я уже о них, ходят по городу разговоры, что представители голландские да аглицкие приехать должны. Вот и приехали, вместо хлеба-соли разбойнички местные обобрать решили. Тоже, наверное, прослышали про скорый приезд иноземцев. Как говаривал незабвенный таможенник Павел Верещагин – «за державу обидно!».

Я снял скуфейку, поклонился.

– Кто таков? Имя назови, я обязательно бургомистру доложу.

– Нет у нас бургомистров, посадник городской есть. А звать меня Георгий, фамилия – Михайлов.

Я свистом подозвал лошадь и уже собрался подняться в седло, когда англичанин понял, что я намереваюсь уехать.

– Нет, нет, не можно уехать! У нас почти не осталось охраны, прошу великодушно сопроводить нас до города.

Из открытой дверцы кареты показались головы еще двух иноземцев в напудренных париках.

Ну что ты будешь делать, срываются мои планы, а до заводику всего-то пять верст осталось. Как говорится – не делай добра, не получишь зла. Придется и в самом деле сопро-

водить заморских гостей.

Одного раненого из охраны поместили в карету, второй, легко раненный в руку, взгромоздился на облучок, щелкнул кнут – и мы тронулись.

Я ехал на коне впереди, указывая путь и одновременно охраняя карету. Однако больше никто не изъявлял криминальных желаний, и мы подъехали к Вологде. Я сопровождал их до управы, сказал охраннику у дверей, что прибыли представители торгового сообщества из Англии, развернулся и уехал.

Осматривать скипидарный заводик было уже поздно, и я направился домой.

На следующий день я снова выехал на осмотр заводика. Проезжая мимо места вчерашней схватки, я не увидел ничего, что говорило бы о вчерашнем событии, кроме примятой травы. Не было трупов, не валялось оружие – даже кровь уже впиталась в землю. Мародеры здесь побывали, что ли?

Подивившись, я проехал к заводу, осмотрел бревенчатую избу, где помещалось нехитрое оборудование. В цене с продавцом сошлись быстро, мне удалось значительно сбить ее. Жизнь здесь научила этому искусству. Мы ударили по рукам, составили купчую, и я на правах владельца уже обговаривал все со старшим мастером.

Производство работало уже не первый год, мастер был опытен, и моего непосредственного и неотложного вмешательства не требовалось. Только следи за вывозом скипидара

да контролирую продажу, периодически приезжая за деньгами. Совсем необременительно, зато как звучит – владелец скипидарного завода! Еще прикупить какой-нибудь заводик, что ли? Скажем – свечной? Надо обмозговать на досуге.

За две последующие недели я еще пару раз посетил свое производство и остался им доволен. А далее события закрутились как вихрь.

После полудня на улице застучали копыта, затем раздалось: «Тпру!» – и напротив моего дома остановилась уже знакомая мне карета. Я в это время был во дворе, и через забор мне был виден только верх экипажа.

В калитку постучали, и я пошел открывать.

У ворот стоял знакомый англичанин. Увидев меня, он расплылся в улыбке.

– Рад приветствовать храброго воина в его доме! Добрый день, Георгий Михайлов!

– Здравствуй, гость торговый, проходи в дом.

Я проводил гостя в дом, усадил в кресло.

Елена по обычаю преподнесла ковш мальвазии. Иноземец с поклоном принял ковш, вдохнул, выпил до дна и перевернул, показывая, что он пуст. Уже познакомился с нашими обычаями, а может – и раньше здесь бывал, знает.

– Я решил посетить и отблагодарить тебя, Георгий. Твое своевременное вмешательство спасло наши жизни и позволило заключить с Вологдой выгодный обоим сторонам договор.

С этими словами англичанин вытащил из поясного кошелька звякнувший монетами скромный кожаный мешочек и положил его на стол.

– Это наша благодарность. Мы понимаем, что ты рисковал жизнью, спасая от свирепых разбойников незнакомых людей. К сожалению, подобные происшествия бывают и в моей стране. У короля не хватает преданных людей, чтобы искоренить сие зло. Я видел рыцарские турниры, правда – со стороны, но такого мастерства, когда ты двумя саблями лихо расправился с нападавшими, я не видел и даже не слышал о таком. Редко можно встретить в этой варварской стране благородного человека.

Я слегка скривился. Может быть, в глазах Европы мы и варвары. Конечно – ходим в шкурах, как они называют шубы и шапки из меха, но им бы наши морозные зимы, повымерзли бы! Зато каждую неделю в баню ходим, а кичащаяся своей цивилизацией Европа не моется годами, а вместо того, чтобы мыть пол, просто застилает его свежей соломой. Так кто из нас варвар?

Сделав такой вывод, я улыбнулся. Англичанин счел неприятный момент исчерпанным.

– Не хотел бы ты, Георгий, заработать?

– И в чем же будет заключаться моя работа?

Я уже предположил, что меня хотят нанять охранником. Конечно, найти желающих можно, вот только каковы они в деле? Это прекрасно понимали и иноземцы.

– Мы хорошо заплатим – золотом.

– Сколько?

– Двадцать соверенов.

В принципе – сумма неплохая, делать сейчас особенно нечего, можно и взяться.

– До какого места я должен нести охрану и доставить вас?

– В Лондон.

Я присвистнул. Далековато. Хотя сейчас уже поздняя весна, штормов на Балтике быть не должно. От Вологды до побережья каретой – ну пусть пять дней. За месяц туда и обратно должен обернуться.

– А сколько вас человек?

– Трое. Мы уезжаем все, возем самое важное – грамоту договорную.

– Когда выезжать?

– Через два дня.

– Давайте задаток – пять золотых.

Англичанин сморщил нос, как будто откусил лимон, полез в кошель и отсчитал пять соверенов. Прощаясь, попросил не брать коня – в карете есть место – и держать все в секрете.

– Видишь ли, Георгий, Голландия тоже хочет подписать такой же договор, но они не должны знать, что Англия его уже подписала, и главное – на каких условиях. Вскоре в Вологде будут британская фактория и склад.

– Тайну вашу я никому не собираюсь разглашать, а усло-

вия я и сейчас не знаю. И скажу откровенно – они меня не интересуют.

Мы раскланялись. Я позвал Лену, сообщил, что через два дня отбываю, через четыре седмицы вернусь, если ничего не произойдет.

– Немчика охранять будешь?

– Его. Вот задаток оставил, забери. На месте я получу остальное.

Пару дней я провел в неспешных сборах: подбирал удобную одежду, точил саблю и нож – даже не столько точил, сколько правил на старом кожаном ремне. Довел сабли до бритвенной остроты – брошенный сверху на лезвие волос разрезался на две половины под собственным весом. Прикупил на торгу свежего пороха и свинцовых пуль для пистолета. Единственное, что несколько омрачало мою предстоящую поездку – отсутствие европейского платья. Я утешал себя тем, что в карете меня не будет видно, на судне матросам вообще все равно, во что одеты их пассажиры, а в Лондоне я не собирался задерживаться. Сойдут мои подопечные на берег – и адью. Тут же сажусь на попутное судно и – назад, в Россию.

Два дня за хлопотами пролетели быстро, и настал момент, когда карета вновь остановилась у моего двора. На облучке восседал старый знакомый, что был в схватке ранен в руку. Повязки сейчас на нем не было, и я решил, что с ним все в порядке. Мы чинно раскланялись, дверца кареты распах-

нулась, и я, провожаемый женой и, конечно же, Василием, уселся в карету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.